DOI: 10.17117/na.2015.05.230

Поступило в редакцию: 22.05.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.05.230.pdf>

Воронин В.С. Суггестия, контрсуггестия и законы фантазии в прозе А.П. Чехова

Voronin V.S.
Suggestion, kontr suggestion and laws of
fantasy A.P. Chekhov`s prose

Данная статья посвящена отражению в прозе Чехова таких явлений жизни общества и индивида, как суггестия и контрсуггестия. Эти характеристики социальной психологии в мире Чехова оказываются самым тесным образом связаны с законами фантазии

Ключевые слова: суггестия, контрсуггестия, законы фантазии, фильтр недоверия

This article is devoted to reflection in Chekhov's prose of such phenomena of society and the individual, as a suggestion and kontr suggestion. These characteristics of social psychology in Chekhov's world are most closely associated with the laws of fantasy

Key words: suggestion, kontr suggestion, the laws of fantasy, filter distrust

Воронин Владимир Сергеевич

*Доктор филологических наук, профессор
Волжский гуманитарный институт (филиал) ВолГУ
г. Волжский, ул. 40 летия Победы, 11*

Voronin Vladimir Sergeevich

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Volzhsky Humanitarian Institute (branch) VSU
Volzhsky, 40 let Pobedy st., 11*

Исследованием роли суггестии и контрсуггестии (внушения и контрвнушения) в истории человечества плодотворно занимался своеобразный и, быть может, исключительно своеобразный, советский историк и философ Б.Ф. Поршнев. В обыденной практике при внушении чего-либо люди далеко не всегда прибегают только к научным аргументам, а апеллируют к фантазии и воображению собеседника. Фантазия в самом общем плане есть способность человека превращать в своём воображении некоторый объект А в объект Б. При этом нужно помнить, что и отражение реальности тоже в огромной мере идёт таким образом, что некоторое А объясняется через ряд других понятий и предметов. Однако реальное отражение вещей и явлений оставляет возможность возвращения к изначальному пункту познания, сверки отражения и оригинала, тогда как фантазию это не беспокоит. Она обращается к внушению без проверки и, попав на подходящую почву в человеческом сознании, способна ложь превращать в истину и обращать истину в ложь. Вводя простейшее подразделение на объекты и признаки, можно выделить следующие формулы преобразования мира в художественной реальности: 1. Сращивание признаков различных объектов; 2. Умножение и деление объектов; 3. Установление реально не существующей связи между объектами; 4. Превращение части в це-

лое, признака в объект и обратно; распад целого на части; замещение объекта его признаками; 5. Исчезновение и возникновение объекта [1, с. 6 – 7; 4, с. 207]. По мнению Б.Ф. Поршнева, в своём чистом виде суггестия принадлежит едва ли не к самым ранним этапам становления человеческого общества, но ее проявления достаточно живы и в современном обществе, как неустранимое наследие предков она продолжает жить в культуре и литературе, в общественной идеологии и психологии. Можно предположить, что сращивание признаков животного и человеческого в поведении людей несёт следы этой предковой формы внушения. Однако с течением времени общество и вместе с ним индивид вырабатывают средства защиты от тотального внушения. Возникает, по терминологии Б.Ф. Поршнева, «фильтр недоверия», постулаты веры и безоговорочные аксиомы общественного бытия пересматриваются: «канал информации может быть блокирован явлением недоверия, которое в свою очередь, очевидно, может быть объяснено только тем, что приём информации без этого задерживающего устройства в пределе приносит принимающему вред» [3, с. 9]. Слом фильтра недоверия к обвиняемым – профессиональная задача адвоката. В «Случае из судебной практики» и нарисован такой профессионал, оказывающий умноженное кумулятивное воздействие на всех окружающих. Его язык «заиграл на нервах, как на балалайке», прослезился судебный пристав, «все полезли за платками», и сам прокурор «этот лёд, бесчувственнейший из организмов», подумал о том, что ему было бы лучше «отказаться от обвинения» [7, 2, с. 86 – 87]. Он как бы проходит быструю эволюцию от неорганического льда и лишённого чувств организма до сочувствующего человека. Однако предел достигнут и вполне перейдён в подсудимом. Ради собственной пользы ему следовало бы молчать. Но он плачет и признаёт свою вину, в результате чего его и осудили. Практические цели адвоката и его подзащитного оказались сметены мощной суггестией приобщения виновного к людям нравственным и даже идеальным. А идеал не может себе позволить ни малейшего пятнышка.

В «Сильных ощущениях» суггестия превращает влюблённого в марионетку адвоката. Тот сначала расписывает красоту избранницы, начиная от ресниц и мизинчика. Жених находится на вершине блаженства, но тем самым снимается фильтр недоверия, и адвокат получает возможность убедить его в отрицательных последствиях женитьбы. Убеждаемый человек становится полем чистой суггестии, он полностью разделяет взгляды своего советчика: «я возмущался, негодовал, презирал с ним вместе» [7, 5, с. 111]. В конечном счёте, жених пишет невесте письмо, в котором он отказывается от брака с нею. Тут же адвокат заговаривает о прелестях семейной жизни, и молодой человек снова чувствует любовь и готов застрелиться от отчаяния, что потерял настоящее сокровище. Впрочем, потеря оказывается мнимой. Заметим, что адвокат убеждён во всемогуществе слова, творящего историю людей. Он охотно прибегает к фантазии: «Талант – это стихийная сила, это ураган, способный обращать в пыль даже камни, а не то, что такой пустяк, как убеждения мещан и купцов второй гильдии» [7, 5, с.109]. Но в рассказ о силе слова вмешивается сила обстоятельств. Она становится контрсуггестией, призванной обнаружить абсурд в суггестии на уровне её законов фантазии. Один из присяжных заседателей

обращается к слушателям подумать о том, что должен в эту ночь перед оглашением приговора чувствовать преступник, и рассказы о сильных ощущениях перестают занимать собеседников.

Любопытен в смысле взаимодействия суггестии и контрсуггестии почти чисто юмористический рассказ А.П. Чехова «Пересолил». Возникновение страха у землемера Смирнова писатель подчёркивает пространственно-временными деталями. Отъездом со станции Гнилушки, состоявшимся в сумерки, поездкой по равнине «без конца и краю... Поедешь по ней, так наверно заедешь к чёрту на кулички» [7, 4, с. 214]. Как видим, протяженность поездки, в самом начале рассказа более или менее определённая в своих границах, полностью утрачивает свою определённость. Протяжённость превращается в бесконечность, упирающуюся в inferнальный мир, пусть и выраженный фразеологическим оборотом. Фантастически возрастает и сила возницы: «пальцем тронет, так душа вон! И морда у него зверская, подозрительная» [Там же]. Заметим, что Клим зоологизируется своим пассажиром. Землемер пытается завязать разговор, успокоить свои страхи. И возница Клим сообщает ему вполне достоверную информацию, что шалить у них некому. Но эта информация не в силах успокоить страхи Смирнова. Первоначальное недоверие только усиливается. И он начинает выдумывать себя, отвечая воображаемой угрозе. Он сообщает, что у него три револьвера, и прибегает к зоологизации самого себя: «а силы у меня, словно у быка». Он умножает свои победы. Противника его ждёт полный распад на части: «Не то что без рук, без ног останется, но ещё и перед судом ответит» [7, 4, с. 215]. Он до предела увеличивает число своих союзников в возможной схватке с разбойниками: «Везде по дороге за кустиками урядники да сотские понатыканы» [Там же]. Но страх землемера так велик, что собственная фантазия не может его успокоить. Мощным катализатором страха становится дорога, свернувшая в лес, и то, что лошадь, прежде еле переставлявшая ноги, движется очень быстро. Сообщение Клима о том, что такова особенность его лошади в расчёт не принимается. Кстати, об этой особенности возница сообщил в самом начале поездки, но всё это отброшено и улетучилось из головы объётого страхом пассажира. Принимается во внимание только то, что отвечает его подозрениям и страхам, и вот он выдумывает ещё четырёх товарищей с револьверами, которые и должны настичь их в лесу. Но беда заключается в том, что извозчик к пугающей информации относится с полным доверием, понимает, что он находится во власти опасного человека и бежит, как ему кажется, спасая жизнь, жертвуя телегой и лошадью. Только спустя время к людям, разделённым страхом, на помощь приходят рациональные доводы. Землемер признаётся, что «от страха врал», а Клим понял, что «настоящий разбойник давно бы уж исчез с лошадью и телегой» [7, 4, с. 216]. Взаимный миф о соседе разбойнике рушится. Можно сказать, что и Смирнова и Клима объединяет теперь и пережитый ими обоими страх, который возница, в отличие от землемера, ничуть не скрывает: «Чуть я не помер от страха» [Там же].

В ходе человеческой истории множество внешних сил обрушивается на внутренний мир личности. Они пытаются сломить её внутреннюю контрсуггестию, сделать её открытым полем для внешней суггестии. Со временем это

становится сделать всё труднее. Поэтому внешней силе, государству, авторитету, лидеру приходится обнаружить свою родственность индивиду, показать, что они все действуют в его интересах, и сотрудничество с ними в его интересах. Иначе говоря, между убеждающим и убеждаемым должно находиться поле общности. Если такое поле общности есть, то оно способно быть действенной силой в изменении первоначальных взглядов человека, его симпатий и антипатий. Так происходит, например, в рассказе Чехова «Он понял!». Казалось бы, между подполковником Волчковым и мужичком Павлом Хромым, застрелившим в его имении скворца, очень мало общего. Сама по себе вина Хромого незначительна. Но Волчков искренне желает разъяснить горе-охотнику, какой он злодей с точки зрения юридической и христианской. Павел вину признаёт, но отрицает, что делал это из корысти. Его, оказывается, «попутал нечистый». Разумеется, барин ему не верит: «Сам ты нечистого попутать можешь! Все вы, кашиловские, разбойники!» [7, 2, с.172]. Мы видим активное неприятие образа обвиняемого. Барин заранее закрыт для понимания собеседника, убеждён, что тот «ничего умного не скажет» [7, 2, с. 173]. Но мужик детально описывает свою тоску, ставшую для него почти наваждением. «Слышно мне, как какой-то тоненький, словно как будто ангельский, голосочек звенит тебе в ухе и рассказывает: поди, Пашка, постреляй!» [7, 2, с. 174]. Таким образом, человек как бы раздваивается, его страсть к охоте приобретает самостоятельное значение. Это своего рода болезнь, как и тяга к алкоголю. И взявший на себя роль судьи подполковник понимает его «по опыту». Разбойник, виновный, мужик становится просто человеком, подверженным почти той же болезни, что и его судья. Из убеждающего подполковник превратился в убеждаемого человека, проникся сочувствием к мужику и освободил его. Взаимодействие внушения и контрвнушения представляет собой один из интереснейших моментов в изображении психологических типов в прозе раннего Чехова. И.Н. Сухих, говоря о «специфике чеховского мышления» заметил: «Исходным зерном замысла оказывается у него не лицо, характер (как у Толстого), не идея (как у Достоевского) а ситуация, которая может быть «проиграна» на разном персонажном материале» [6, с. 56]. Внутренняя убеждённость персонажа, декларируемая им с той или иной степенью настойчивости, меняется на противоположную, не только сталкиваясь с общественной иерархией смыслов, психологическим или физическим насилием, а в значительной мере под действием ситуации и общения с ближайшим окружением. Очень показателен в этом отношении рассказ «Двое в одном». Автор намеренно заостряет противоречивость человеческой натуры с точки зрения начальника, узнающего и одновременно не узнающего своего подчиненного. По его словам, он «даже и животных таких не знает, которые были бы тише его» [7, 2, с. 9]. Но робкий чиновник вне службы преобразуется в человека со своими взглядами, заявляющего, что никому не позволит «посягать на свою свободу» [7, 2, с. 10]. Его внутренняя убеждённость в своей правоте так велика, что он обсуждает и мировую политику, и критикует освещение в вагоне конки, требует, чтобы все подвинулись и уступили место женщине. У этого оратора есть умение заинтересовать аудиторию, ибо «его слушал весь вагон» [7, 2, с. 10]. Он сам источник такой сильнейшей суггестии, что за-

ставляет даже начальника сомневаться в том, что перед ним его покладистый и покорный подчинённый. Но стоило руководящему лицу рассмеяться, как задиристый герой моментально возвращается в свой прежний пришибленный вид. Именно смех, а не прямой гнев, как в «Смерти чиновника», становится здесь источником контрсуггестии. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и сам рассказчик, именующий себя «лицом высокопоставленным», – двойственный человек. Ездить на конке ему не полагается, но так дешевле. Он тоже среди «сих малых» прячет лицо в воротник, соответствуя среде. И поэтому сам не в меньшей мере хамелеон, чем его подчинённый. Мимикрия оказывается общим полем жизнедеятельности, соединяющей и жалкого чиновника, и его начальника. Последний тоже получает свой удар контрвнушения: «В наше время легче потерять веру, чем старую перчатку, – и я потерял» [7, 2, с. 9].

Чехов считал, что вдохновение и рационализм в реализации авторского замысла должны составлять единое целое, некоторый гармонический синтез. По его словам, «если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим» [2, с. 322]. Многие его персонажи обдумывают свои предстоящие действия, но выполняют их с такой маниакальной настойчивостью, что впадают в ненормальное психологическое состояние, полностью открытое внешней суггестии. Таков маленький человек из знаменитой «Смерти чиновника». Задумав во что бы то ни стало получить полное прощение за то, что нечаянно чихнул на лысину начальника, Червяков многократно обращается к пострадавшему со своими извинениями. Прощение он получает сразу же, но оно ему кажется неполным, и он делает всё новые и новые попытки вежливого извинения. Смех здесь выступает в роли скрытого контрсуггестора, воздействующего на значительное лицо. Ему показалось, что Червяков иронизирует над ним, преследует его Бог весть с какой целью. Общего поля взаимодействия между ними нет. Генерал пытается избежать столкновения, укрыться: «Да вы просто смеётесь, милостисдарь! – сказал он, скрываясь за дверью» [7, 2, с. 166]. И отчасти генерал сам становится жертвой, хотя и закрыт от суггестии со стороны подчинённых своим официальным статусом. Такой закрытости от начальства подчинённый не имеет, и генеральское «пошёл вон!» буквально вычеркивает Червякова из жизни, персонаж как бы полностью «выходит вон», отвечая требованию генерала. Однако и сам начальник, удаляя назойливого посетителя, посинел и затрясся. На старости лет он тоже получил сильнейший ответный удар от собственного непонимания.

А.П. Чехов, заметил, что «весь смысл и вся драма человека внутри, а не во внешних проявлениях» [2, с. 326]. Сложный узор вышивает взаимодействие суггестии и контрсуггестии даже в его простых по проблематике рассказах. Обратимся к «Торжеству победителя», где достигший высот чиновничьего благополучия Козулин делится своими соображениями о пройденном пути, а приглашённые к нему на званый обед подчинённые внимают каждому его слову. С одной стороны, всё очень просто и почти сводится к грубой пословице: «Я – начальник, ты – дурак, ты – начальник – я дурак». Понятно, начальник выступает в роли высшего авторитета, и фильтр недоверия почти снят. Но не со-

всем. Отставной коллежский регистратор, от чьего имени ведётся рассказ, даёт двойственную оценку «победителю»: «Козулина вы не знаете; для вас, быть может, он ничтожество, нуль, для нашего же брата, не парящего высоко под небесами, он велик, всемогущ, высокомудр» [7, 2, с. 68]. Как видим, рассказчик соотносит две оценки в зависимости от точки зрения: полный нуль за пределами своего круга наделяется всемогуществом – атрибутом Бога – внутри своей группы. И мы видим, что его слово для участников пира наделяется высшей властью, ему беспрекословно внимают и повинуются. Но, при всём своём самодурстве, начальник далёк от признания своей собственной исключительности. Каждый может достигнуть того же или даже превзойти его. Интуитивно им нащупывается верный путь слома возможного пререкания и неподчинения. Он подчеркивает своё родство с собравшимися, заражает их этой общностью и истолковывает это к своей выгоде: «Не ропщите, не сетуйте и вы, покуда до конца не доживёте! <...> Ты теперь, положим, ничтожество, нуль, соринка... изюминка – а кто знает? Может быть, со временем и того... судьбы человеческие за вихор возьмёшь» [7, 2, с. 69]. Мы видим, что он неумеренно возвышает всех собравшихся к нему на домашнее торжество и зовёт их к очевидным выводам. Перетерпи унижение, и всё может измениться. Не отчаивайся до последнего часа. Психологическому сближению со слушателями служит и рассказ Козулина о невероятно трудном и унижительном начале собственной карьеры. В качестве его громовержца оказывается присутствующий тут же смиренный старичок Курицын, некогда повелевавший теперешним начальником. Недоброе слово Курицына имело такую абсолютную власть, что буквально свело в могилу мать подчиненного. Как поясняет сам Козулин: «Теперь-то он червячком глядит, убоженьким, а прежде что было! Нептун! Небеса разверзся!» [7, 2, с. 69 – 70]. Таким образом, к тому моменту, как Козулин начнёт откровенно унижать собравшихся гостей, они уже подготовлены к этому примером начальника, который всё претерпел, возвысился и теперь может заставить их выделять всё, что ему угодно. Сначала он идеологически сорвал их возможную контрсуггестию. И не унижение вовсе они испытывают у него, а всего лишь проходят низший зоологический круг карьеры, впереди – восхождение. Поэтому-то, бегая вслед за папашей вокруг стола и крича петушком, рассказчик нисколько не смущался: «Я бегал и думал: «Быть мне помощником письмоводителя» [7, 2, с. 71].

Устранение препятствий и недомолвок в общении, делает людей открытым полем суггестии друг для друга. Поэтому самые близкие люди и приносят нам как наибольшие радости, так и наибольшие огорчения. Прекрасной иллюстрацией данного процесса является чеховский рассказ «О том, как я в законный брак вступил». Повествование начинается с того, что молодой человек не понимает, как можно объясняться в любви нелюбимой. Папаша же сразу обобщает степень непонимания своего питомца. Оказывается, сын в своём собственном предстоящем браке – постороннее лицо: «Не твоё дело... Ты, дурак, ничего не понимаешь» [7, 2, с. 153]. Ничего не понимая, жених играет навязанную роль, произносит затверженное признание, девушка говорит, что любит его. Но герой «помертвел от этого её слова», он так надеялся на отказ, поскольку знал, что она любит другого. И в действие вступает иррациональное начало.

Жених начинает говорить «сам не зная, что говорит»: «Не люблю я вас! Будь я трижды анафема проклят, ежели люблю! И вы меня не любите!» [7, 2, с. 154]. Навязанный родителями сценарий сорван. И вот уже жених и невеста откровенно признаются, что не любят друг друга, имеют другие сердечные привязанности и вступают в брак по воле родителей, «ради имущественных интересов» [Там же]. Жених немедленно начинает клясться, что женится на «мадмуазель Дэбе», ибо без неё попросту не может жить. Но теперь, когда между ним и Зоей устранены все недомолвки, каждый из них становится открытым полем внушения для другого: «В душу мою хлынуло счастье, и стал я благодарить Зою, а Зоя меня» [7, 2, с.155]. Произошло обратное расщепление тела и души. В любви иногда изменяет тело, в их нелюбви – душа. И замышляемый против родительской воли бунт не приводится в исполнение, ибо «это объяснение в нелюбви было счастливее любого любовного объяснения» [Там же]. Подталкивает их друг к другу и давление среды «этих шутов», где притворство стало нормой, а они благородно сказали друг другу правду. Их счастливый вид обманул родителей, и молодые всё-таки стали супругами. В некотором смысле обратную перспективу даёт рассказ «В рождественскую ночь». Молодая женщина с тревогой всматривается в море, которое вот-вот взломает лёд, и рыбаки, с которыми ушёл и её муж, могут не вернуться. И когда становится ясно, что лёд ломается, раздаётся её «смех, детский, счастливый». Он настолько не вяжется с общим горем собравшихся на берегу, что сразу же возникает предположение, что она «тронулась в уме-то» [7, 2, с. 289]. Смех женщины разрушает всеобщую суггестию горя и переводит её для всех остальных в разряд ненормальных людей. На самом же деле, утрата мужа – это освобождение и счастье для неё. Отстранившись от помощи, она сама поднимается по высокой лестнице. Но её «высокий, статный муж» вернулся. И он тоже смеётся от счастья, что «его ждали на этом холоде, в эту ночную пору! Это ли не любовь?» [7, 2, с. 290]. Этот смех, напротив, возвращает настоящее нормальное положение вещей. И тогда женщина отвечает воплем, в котором «слышалось всё: и замужество поневоле, и непреоборимая антипатия к мужу, и тоска одиночества, и наконец рухнувшая надежда на свободное вдовство» [Там же]. Вопль этот обращён к прошлому, и потрясённый муж понимает, что она ждала его гибели. Это приводит героя к затмению рассудка, спасительного смеха не последовало, а горе сделало его подвластным чужому внушению. Он решает дать женщине то, что она так страстно желала, и уплывает в море с дурачком Петрушей (важная деталь – насмешка над серьёзностью решения мужа), желающим избавиться от мучительной боли. Тут только женщина понимает, что её любили по-настоящему, но её призыв вернуться прозвучал слишком поздно. В этом романтическом рассказе именно смех, служащий сбою в работе суггестии, играет положительную роль. И только смерть воистину серьёзна. Если в рассказе «О том, как я в законный брак вступил» персонаж достигает счастья, ничего не понимая, но много говоря, то «В рождественской ночи» к непоправимой беде супругов приводит именно понимание, достигаемое путём внушения и почти без слов.

Столкновение внутреннего убеждения личности с давлением извне превосходно показан в рассказе «Дамы», где директор народных училищ, приняв

справедливое решение помочь потерявшему голос учителю Временскому устроиться на место письмоводителя в приюте, вынужден изменить его под воздействием своей жены и жён высокопоставленных особ, симпатизирующих другому кандидату. С одной стороны, ни дамы, ни их записочки не имеют в его глазах никакого авторитета, но он надломлен их количеством. Наконец, он видит аттестацию Ползухина, подписанную самим губернатором, но и это тоже попадает в фильтр недоверия: «По всему видно было, что губернатор подписал не читая, лишь бы только отделаться от какой-нибудь навязчивой барыни» [7, 5, с. 107]. Это умноженное количество дам по их упрямству напоминает жену перечницу русского фольклора, предпочитающую переупрямить и мужа, и объективные обстоятельства. Когда же она утонула, муж пошёл искать ее тело не вниз, а вверх по течению,

Прохожие обзывают его дураком, но он объясняет ситуацию: «Она всё делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против течения» [5, с. 212].

Можно сказать, что абсолютно не убеждаемая женщина скроила-таки мужа по своему образу и подобию. Он тоже не уступает здравому смыслу.

А директор он вынужден уступить не жене, не знакомой, а неизвестной «навязчивой барыни». Называя потом нового соискателя «шаркуном», «бабьим угодником», он, вероятно, понимает, что это относится и к нему, и к губернатору. Вместо того чтобы извиниться перед Временским, которому теперь он вынужден отказать, он именно ему адресует свой гнев, которого в большей мере заслуживает он сам. Логически получается, что повторение ложной информации возводит её в степень практической истины, которой, признавая всю её несправедливость, приходится следовать.

Список литературы:

1. Воронин В.С. Законы фантазии и абсурда в художественном тексте. Волгоград: Вол ГУ, 1999.
2. История эстетической мысли. Т.4. Вторая половина XIX века. М.: Искусство, 1987.
3. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология: М.: Наука, 1971. С. 7-35.
4. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
5. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Л.: Просвещение, 1987.
6. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: ЛГУ, 1987.
7. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. М.: Наука, 1983-1986.

References:

1. Voronin V.S. Laws of fantasy and absurdity in a literary text. Volgograd: Vol State, 1999.
2. The history of aesthetic thought: In 6 t. T.4. The second half of the XIX century. M.: Art, 1987.
3. Porshnev B.F. Kontrsuggestiya and history (basic socio-psychological phenomenon and its transformation in human development) // History and Psychology: M.: Science, 1971. Pp. 7-35.
4. Porshnev B.F. Social psychology and history. M.: Nauka, 1979.
5. Russian folk poetry. A: Education, 1987.
6. Suhikh I.N. Problems of Poetics A.P. L.: Publishing Leningrad, 1987.
7. Anton Chekhov Full. cit. Op. and letters. M.: Science, 1983-1986.